

**ДЕКОНСТРУКЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ «СВЯТОЙ ЗЕМЛИ» В РОМАНАХ
В. ШАРОВА «РЕПЕТИЦИИ» И «БУДЬТЕ КАК ДЕТИ»
DECONSTRUCTION OF THE “HOLY LAND” MYTHOLOGEME
IN V. SHAROV’S NOVELS “REHEARSALS” AND “BE LIKE CHILDREN”**

Аннотация: В статье рассматривается концептуализация истории в романах Владимира Шарова «Репетиции» (1992 г.) и «Будьте как дети» (2008 г.). В центре внимания находятся варианты деконструкция мессианского нарратива, который представлен через мифологию «святой земли».

Ключевые слова: Владимир Шаров; историографическая метапроза; постмодернизм; деконструкция; мессианство.

Abstract: The article examines the conceptualization of history in Vladimir Sharov’s novels “Rehearsals” (1992) and “Be like Children” (2008). The focus is on the deconstruction of the Messianic narrative, which is presented through the mythology of the “holy land”.

Keywords: Vladimir Sharov; historiographical metafiction; postmodernism; deconstruction; messianism.

Постмодернистский вариант концептуализации истории происходит в рамках историографической метапрозы. Термин «историографическая метапроза» (historiographic metafiction) был предложен Линдой Хатчеон [3, с. 5]. Как отмечает И. В. Даниленко, «формирование категории “историографический” в качестве альтернативы устоявшейся в литературоведении категории “исторический” для обозначения жанра, отражает недоверие как к степени объективности исторического знания, предлагаемого тотальными историческими метадискурсами, так и к традиционным способам освоения истории в художественной литературе. Текстовый характер знания о прошлом дает все основания для такого недоверия, предлагая нарративы, зачастую представляющие собой интертексты, в корне противоречащие друг другу, дающие разные версии одних и тех же событий» [1, с. 32].

В литературе русского постмодернизма историографическая метапроза актуализируется на рубеже XX–XXI веков (третья волна) и широко представлена в романистике Владимира Шарова и Юрия Буйды. И в том, и в другом случае предметом авторской рефлексии становятся принципы организации нарратива национальной истории, особое место среди которых отводится историософскому подходу, включающему в себя представление о мессианской, провиденциальной роли России.

Особую смысловую наполненность идея мессианизма получила в религиозной философии начала XX века, став не только основой понимания национальной идентичности и принципом познания национальной истории, но и одним из ключевых метанарративов отечественной истории. Именно этим обуславливается интерес русской историографической прозы к данной идее.

Историографическая метапроза В. Шарова выстраивается в контексте лиотаровской идеи о крахе универсальных дискурсов, поэтому художественная репрезентация исторического дискурса представлена в его романах множеством нарративов, лишенных внутренней иерархии, но в равной степени транслирующих идею мессианизма, обнажая тем самым ее нарративную природу. Мессианство превращается в нарративную стратегию, обеспечивающую целостный характер исторического повествования как такового. Подобный механизм деконструкции мы рассмотрим на примере двух романов В. Шарова – «Репетиции» (1992) и «Будьте как дети» (2008).

Текст романа «Репетиции» представляет собой взаимодействие нескольких нарративов: дневник Жака де Сертана, содержание которого связывается с изложением мистериального проекта Никона; упоминание записей отца Миши Берлина, благодаря которым в роман вводится лагерная тема; лекции Ильина, предлагающего специфическую интерпретацию христианского сюжета и документов Суворина.

При этом два первых нарратива событийно соотнесены между собой сектантской историей; после ссылки крестьяне, принимавшие участие в мистерии Никона, срежиссированной Сертаном, начинают ее воспринимать как путь духовного спасения, репетируя ее из поколения в поколение. Мистерия превращается в исполнение некоей духовной практики, обеспечивающей не только индивидуальное спасение, но и реализацию мифологемы «святой земли», которая определяла в романе В. Шарова суть никонианского проекта (Никон хочет основать на русской земле три монастыря: Иверский, Крестный и Новоиерусалимский. Первый должен повторить святую обитель на Афоне, последний – Иерусалимский храм). Иными словами, в романе Россия понимается Никоном как пространство, где должна разворачиваться финальная часть христианской истории – второе пришествие Христа.

В XX веке около поселения потомков опальных крестьян возникает один из пунктов ГУЛАГА. После поглощения Мшанников ГУЛАГом мистериальная модель начинает структурировать и пространство лагеря: охрана воспринимается как римляне, заключенные – как евреи, а группа жителей Мшанников играют роль апостолов. Такое слияние создает вариант взаимодействия национальной и политической истории. Возможность проекции мистериального существования на лагерное демонстрирует значимое для В. Шарова преодоление оппозиции сакральной и профанной (политической) истории, оба полюса в равной степени структурируются мессианской идеей.

Объяснением подобного парадоксального единства становится нарратив Ильина, дающего новое прочтение христианской истории. Его концепция «человекабога» исходит из того, что принципиально важным для божественной сущности Христа становится человеческий опыт. Проживание Христом жизни

на земле, его человеческая составляющая определяют его мессианское назначение. Аргументируя свою точку зрения, Ильин обращается к сюжету с Вараввой. Синедрион принял правильное решение и выбрал человеческую жизнь Вараввы, потому что Христос изначально бессмертен. Сострадание к конечности человеческой жизни важнее идейного плана. Выбор Синедриона правилен с точки зрения самого Христа тоже, так как транслирует акт милосердия.

Апология крестных страданий как становится косвенным объяснением выбора, совершаемого Никоном, выбирающим не Христа, а крест, так и переключается в символическое понимание сталинского большого террора, при этом случайность выбора жертвы не столько становится обнажением внутренних механизмов тоталитарной системы, сколько начинает интерпретироваться как сопричастность каждого крестному пути Христа.

Иными словами, можно говорить о том, что мифологема «святой земли» начинает репрезентироваться и, соответственно, деконструироваться концептом «жертвенного героизма», который приобретает тотальный характер, определяя и синхронический, и диахронический срезы национальной истории.

На сюжетном уровне декодирование мессианского нарратива осуществляется его столкновением с записями, которые Кобылин приносит историку Суворину. В этих записях возникает личная история заключенных лагеря в Мшанниках: любовный треугольник Рут – Ильи – Анны, побег из лагеря, гибель, оставленный ребенок (в самом финале появляется упоминание того, что этим спасенным ребенком оказывается Кобылин). Возникает своего рода инверсия ветхозаветной истории спасения евреев из Египта (не случайно, один из последних романов В. Шарова был назван «Возвращение в Египет»). Круговое движение национальной истории утрачивает трансцендентный смысл, превращая мистику в театральное действо.

В романе «Будьте как дети» представлено пять нарративных планов: газетные материалы, лекции историка Ищенко, история второго апостола Павла – Перегудова, последние годы жизни Ленина и история Дмитрия. Мессианский нарратив реализуются через мифологему «провиденциального пути». Евлампий Перегудов, герой Крымской войны, убивший многих черкесов, хочет постричься в монахи, но попадает в Восточную Сибирь и становится вторым апостолом Павлом для северного народа энцев. Покрестив их и процарствовав среди них полвека, Перегудов умирает. Оставшееся племя, ища спасения, отправляется в Москву к Ленину. Вместе они планируют крестовый поход детей в Иерусалим, потому что решают, что цель Революции – это возвращение в детство, что необходимо вернуть миру тот облик, который был до грехопадения. Мотив соблазнения фиксируется и в образе Перегудова, который крестит энцев, и в образе Ленина, решившего отправить беспризорных детей в Иерусалим. Деконструкция мессианского нарратива обнаруживает себя через образ гамельнского крысолова, потому что энцы и беспризорники гибнут во время крестового похода. Мифологема «провиденциального пути» не дает позитивного результата в финале и демонстрирует пустоту исторического нарратива.

В деконструкции мессианского нарратива также участвует образ Китежграда. Введение этого образа преобразует линейную модель мифологемы «про-

виденциального пути» в кольцевую на двух уровнях. Во-первых, Китеж-град возникает в сильных позициях текста – в начале романа и в финале, закольцовывая композицию романа. Во-вторых, во время Первой мировой войны для поднятия боевого духа была поставлена опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже», но результат был обратным: «Прослышав, что Святой град дано узреть лишь праведникам и что воды расступятся и он в прежнем великолепии всплывет из пучины прямо перед приходом Спасителя, солдаты раскаялись в грехах и, по донесениям генералов весны – лета семнадцатого года, целыми армиями стали покидать позиции и уходить на его поиски» [2, с. 5]. В финале романа возникает бесконечная процессия жертв войн и насилия XX века, которая крестным ходом направляется для погружения в озеро Светлояр. Так, история предстает, как и в первом романе, как бесконечный круговорот.

В деконструкции мессианского нарратива значительную роль играет персонализированный нарратор. В романах В. Шарова практически всегда в отношении него фиксируется ментальное отклонение, связанное с механизмами памяти. В «Будьте как дети» Дмитрий манифестирует связь между собственной профессией историка и собственным же диагнозом эпилептика. Последнее, по его мнению, не мешает, а помогает исследованию: «...моя болезнь, может быть, вообще не проклятие, не приговор... наоборот: мне дана отмычка, без которой ничего не поймешь» [2, с. 284].

Проблемы с памятью являются основой конструирования ризоматической модели истории. Различные исторические события сходятся в едином пространстве, возникает синхронизация принципиально разных исторических фактов.

Таким образом, мессианский нарратив в анализируемых романах представлен через мифологемы «святой земли» и «провиденциального пути», деконструкция которых на сюжетном уровне обеспечивается превращением системы мифологем в систему концептов, разрушающих их трансцендентное содержание. На нарративном уровне деконструкция мессианского нарратива обеспечивается утверждением ризоматической природой истории.

Библиографический список

1. Даниленко, И. В. Французский историографический метароман (на материале произведений М. Турнье, Ж.-П. Шаброля, Д. Литтелла) : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Даниленко. – Минск, 2021. – 162 с.
2. Шаров, В. А. Будьте как дети / В. А. Шаров. – М. : Вагриус, 2008. – 400 с.
3. Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction / L. Hutcheon. – New York : Routledge, 1988. – 268 p.